

Е.Я. ДЖАББАРОВА

*(Уральский Федеральный университет им. Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия)*

УДК 811.161.1-95(Цветаева М.)

ББК Ш33(2Рос=Рус)53-8,444

ПОЭТ VS ПРОЗАИК (СТАТЬЯ М. ЦВЕТАЕВОЙ «МОЙ ОТВЕТ ОСИПУ МАНДЕЛЬШТАМУ»)

Аннотация. Скрытая самоапология рассматривается путем анализа местоименной и именной парадигм в статье М. Цветаевой «Мой ответ Осипу Манделъштаму». Анализируется функциональность таких местоимений как «мы» и «я», где местоимение «мы» выступает как способ объединить поэтов и тем самым ответить на вопрос, кто такой поэт. Рассматривается значимость имени собственного, а также его трансформации, как способы дистанцирования от адресата и выражения своего неприятия его позиции. Местоимения «ты» и «твой» позволяют Цветаевой отдельно выразить свое отношение к читателю, который в данном случае выше Манделъштама-прозаика. Обосновывается необходимость поэта в диалоге с Манделъштамом, так, с одной стороны, Цветаева постулирует необходимость защищать поэта, с другой – говорит о Манделъштаме-прозаике, отношение к которому можно назвать почти снисходительным. Защищая Манделъштама-поэта Цветаева вновь защищает и саму себя как поэта, благодаря чему мы можем говорить о явлении «самоапологии».

Ключевые слова: самоапология, проза поэта, местоимения, русские поэты, литературное творчество.

Во время поездки в Лондон 1926 года Цветаева работает над статьей «Мой ответ Осипу Манделъштаму», которая стала реакцией Цветаевой на книгу Манделъштама «Шум времени». Восстановим, опираясь на работы цветаеведов, обстоятельства создания статьи. Как пишет И. Шевеленко: «Книга Манделъштама возмутила Цветаеву. Она ответила своему литературному сверстнику яростной отповедью – статьей «Мой ответ Осипу Манделъштаму». «Подтасовка чувств», переписывание собственной биографии ради вождя восточного воссоединения с историей, т.е. с победителем, – вот что более всего оттолкнуло Цветаеву в «Шуме времени». Оскорбление побежденных в лице Добровольческой армии, оскорбление всего «старого мира», попавшего в мясо-

рубку истории, и утрата собственного достоинства в лицемерном самоотожествлении с силами истории – это увидела Цветаева в мандельштамовской книге и на это отвечала своей статьей» [Шевеленко 2002: 326].

А. Саакянц, поясняя причины цветаевского негодования, отмечает: «Написанная с публицистической иронией и отстраненностью скептического наблюдателя, эта книга не имела ничего общего с духом цветаевской романтизации прошлого (“память моя не любовна, а враждебна”, – писал Мандельштам). ... «Сижу и рву в клоки подлую книгу М<андельштама> ”Шум времени”», – негодовала она в письме к Шаховскому. А в только что цитированном письме к Сувчинскому писала: «Мандельштам ”Шум времени”. Книга баснословной подлости. Пишу – вот уже второй день – яростную отповедь»» [Саакянц 1997: 439]. Излишняя категоричность Цветаевой, по А. Саакянц, объяснима следующим: «Цветаева (не умышленно, разумеется!) поступила с Мандельштамом так же, как он с нею в 1922 году, когда недостаточно корректно отозвался о ее ”Верстах”, назвав их ”богородичным рукоделием”. Как вспоминал В. Сосинский, Сергей Яковлевич отговаривал Марину Ивановну отдавать в печать статью. Против, несомненно, был и Святополк-Мирский, обожавший Мандельштама. Повидимому, и Сувчинский, которому, по всей вероятности, не понравилась статья Цветаевой, уклонился от печатания ее в ”Верстах”» [Саакянц 2002: 440].

Н. Мандельштам вспоминает о своеобразном отношении Цветаевой к Мандельштаму, которое и позволило поэту «судить» Мандельштама: «Я прочла в письмах, изданных в Самиздате: Цветаева считала, что сама может писать, как Мандельштам, как бы владеет его секретом. Тайной для нее вскоре после нашей встречи стал Пастернак» [Мандельштам 1999: 466]. Позиция поэтического равенства и равноправия дает Цветаевой возможность не только высказаться, но и осудить.

Для полноценного понимания цветаевского отношения к книге «Шум времени» необходимо помнить, как Цветаева воспринимает «прозу поэта» в целом: «Проза поэта. Поэт, наконец, заговорил на нашем языке, на котором говорим или можем говорить мы все. Поэт в прозе – царь, наконец снявший пурпур, соблаговоливший (или вынужденный) предстать среди нас – человеком. Чем же была твоя царственность? Тот лоскут пурпура, вольно и невольно оброненный тобою? Или есть у тебя – где-нибудь на плече или на сердце – царственный тайный знак?» [Цветаева 1997: 305]. В данном случае под общим

«нашим» языком Цветаева понимает язык человеческий (если поэзия – язык Бога, проза – язык человека, прежде всего) и сознательно объединяет себя с читателем: «От Державина до Маяковского (а не плохое соседство!) – поэзия – язык богов. Боги не говорят, за них говорят поэты» [Цветаева 1997: 305].

Большой поэт, по мнению Цветаевой, тот, кто и в прозе остается поэтом, прозой проверяется, поэтому под местоимением «мы» следует понимать тех больших поэтов, к которым Цветаева относит и себя: «Поэзия язык богов! Этого никто не повторил, это *мы* (выделено мною – *Е. Д.*) все сказали, каждый заново» [Цветаева 1997: 305]. Такое начало статьи контрастирует с продолжением, в котором Цветаева подчеркивает неравенство Мандельштама-прозаика ей-поэту посредством личных местоимений: «Итак, Осип Мандельштам, сбросив пурпур, предстал перед нами как человек: от него отказавшись, поэт – человек, как я. Победы меня одним собою, Осип Мандельштам» [Цветаева 1997: 305]. Становится очевидно, что особую роль играют местоимения «мы» и «я», если местоимение «я» является своеобразным маркером Цветаевой, то «мы» скорее выступает как способ объединить поэтов и тем самым конструирует ответ на вопрос, кто такой поэт. Читателя статьи Цветаева фактически ставит выше, чем Мандельштама-прозаика, что становится явным благодаря особой роли местоимения «ты» / «твой»: «Это *мои* выводы и *твои*, (здесь и далее выделено мною – *Е. Д.*) читатель. Вывод же Мандельштама: зачем нужны такие люди в какой бы то ни было армии» [Цветаева 1997: 306]. Цветаева объединяет не только «больших» поэтов, но и автора с его читателями. Подобное объединение необычно для Цветаевой, вспомним хотя бы эссе «Мой Пушкин»: «С тех пор, да, с тех пор, как Пушкина на *моих* глазах на картине Наумова – убили, ежедневно, ежечасно, непрерывно убивали всё *мое* младенчество, детство, юность, – я поделила мир на поэта – и всех и выбрала – поэта, в подзащитные выбрала поэта: защищать – поэта – от всех, как бы эти все ни одевались и ни назывались» [Цветаева 1997: 58]. С одной стороны, Цветаева постулирует необходимость защищать поэта перед лицом всего остального и выделяет его, с другой – говорит о Мандельштаме-прозаике, скорее снисходительно, что можно проследить и сквозь личные местоимения и имена собственные. Вероятно, поэт делит между собой поэта и прозаика, тем самым защищая Мандельштама-поэта, и осуждая Мандельштама-прозаика. Выбор в пользу поэта свидетельствует и о том, что Цветаева вновь защищает и саму себя как поэта.

Рассмотрим основные местоименные парадигмы и проанализируем местоимение «Вы» и его функции: «У Вас (здесь и далее выделено мною – Е. Д.), Осип Мандельштам, ничего, кроме собственного неутолимого аппетита, заставляющего Вас пожирать последние крохи Цыгальского, и очередного стихотворения – в 8 строк, которое вы пишете три месяца» [Цветаева 1997: 307]; «Есть ли у Вас, Осип Мандельштам, строки более неловкие...» [Цветаева 1997: 307]; «Неловкость же двустихия Цыгальского *Вами* не доказана, а мной (тоже поэтом) посему не признана» [Цветаева 1997: 308]; «Будь *Вы* живой, Мандельштам, Вы бы живому полковнику Цыгальскому по крайней мере изменили фамилию, не нападали бы на беззащитного» [Цветаева 1997: 311]. Главной местоименной парадигмой текста становится парадигма «я – Вы», где «Вы» выражает максимально отрицательное отношение Цветаевой к книге «Шум времени», Цветаева поясняет: «Мандельштам-поэт предает Мандельштама-прозаика. Весь этот сложный, сплошной, прекрасный, законно-незаконный мятеж: поэта (князя Духа) против деспота (царя тел), иудея – (загнанного) против царизма (гонителя), школьника (сердце) против казака (нагайки!) сына, наконец, (завтра) против отца (бывшего) – весь этот сложный, сплошной, прекрасный, законно-незаконный мятеж ВЕЛИЧИЯ против ВЛАСТИ – вымысел» [Цветаева 1997: 313].

Необходимо отметить, что Цветаева намеренно использует полную форму имени «Осип Мандельштам» или, в крайнем случае, лишь фамилию «Мандельштам», чтобы отделить Мандельштама от себя и дистанцироваться от него. Такую же роль в тексте играют вставки как способ авторской саморефлексии и анализа, Цветаева позволяет себе вторгаться в чужой текст, тем самым наглядно иллюстрируя свое отношение к нему: «Есть и мне, что рассказать о Ваших примусах и сестрах! – Брезгую!» [Цветаева 1997: 311]; «"Поездами" тогда назывались уличные путешествия царя и его семьи. Я хорошо навострился распознавать эти штуки. (Пошлость)» [Цветаева 1997: 311]; «Для революции характерна эта боязнь, этот страх получить что-нибудь из чужих рук, она смеет, она боится подойти к источникам бытия. (73 стр. Мандельштам говорит во славу, а не в осуждение)» [Цветаева 1997: 312]. Подобные вставки и цитаты из чужих текстов часто становятся для Цветаевой прямым способом осуждения и порицания.

Мандельштам для Цветаевой лишь предлог к разговору о поэзии и поэте в целом, поэтому основной задачей становится реализация авторских стратегий, что объясняет появление личного местоимения «мой» в самом заголовке статьи: «Мой ответ Осипу Мандельштаму –

мой вопрос всем и каждому: как может большой поэт быть маленьким человеком? Ответа не знаю» [Цветаева 1997: 316]; «Мой ответ Осипу Мандельштаму – сей вопрос ему» [Там же].

Подводя итоги, отметим особую роль местоимений «мы» и «ты», создающих общность писателя и читателя, поэта и поэта, личное местоимение «Вы» и использование полной формы имени собственного как способа дистанцирования. Цветаева отдаляет другого, а не себя и, несмотря на существующие в тексте приметы жанра апологии, такие как: авторские ремарки, вставки, прямое цитирование другого текста, обилие личного местоимения «я» и поэтическое (не прозаическое) равенство с Мандельштамом указывают на «скрытую самоапологию», апологию самой себя. Ключевой интенцией М. Цветаевой становится защита поэта, но структура и устройство текста скорее являют цветаевский портрет, нежели портрет Мандельштама.

ЛИТЕРАТУРА

Мандельштам Н. Вторая книга. – М.: Согласие, 1999. – 364 с.

Саакянц А. Жизнь Цветаевой. Бессмертная птица-феникс. – М.: Центрполиграф, 2002. – 826 с.

Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. Кн. 1: Автобиографическая проза; Статьи; Эссе / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. – М.: ТЕРРА; «Книжная лавка – РТР», 1997. – 336 с.

Шевеленко И. Литературный путь Цветаевой: Идеология – поэтика – идентичность автора в контексте эпохи. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 464 с.

Науч. руководитель: Снигирева Т. А., д.ф.н., проф.